

в сверхиндустриализации России, полезность которой многими признается, а почти исключительно в заразительности большевистского социально-экономического унастроения. Эту мысль отчетливо выразил Отто Геч в следующих словах: «Проблема советской экономики с точки зрения мирового хозяйства заключается не в вопросах калькуляции себестоимости и конкуренции, а в чисто психологических моментах. Экономический кризис ослабляет принцип частной собственности и тем увеличивает притягательную силу русского большевизма».

Б. Ижболдин.

ПОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА

Давно уже «Новый Град» не откликался на издания тех пореволюционных течений, с которыми его связывают друзья и противники, и с которыми у нас, действительно, есть общий фонд идей и стремлений. Думается, однако, что «Новый Град» неправильно зачислял к пореволюционному лагерю. Его место — стоять в стык двух участков анти-большевистского фронта: старой и молодой эмиграции.

Три номера «Утверждений» уже вполне определили их лицо. Перед нами менее всего орган «утверждений», но скорее исканий и дискуссий; если утверждений, то лишь по аподиктической форме, — во всяком случае, утверждений разного порядка. В передовице ном. 3 редакции сама характеризует журнал, как «орган широкой концентрации». Как им широки рамки «Нового Града», но он уже, отъединившись от «Утверждений». «Новый Град» хочет быть органом одного направления, хотя и не партии, «Утверждения» же приближаются к типу пореволюционной трибуны — для всех. Я думаю, что не погрешу против истины, сказав, что «Утверждения» — это орган всех пореволюционно настроенных эмигрантов, которые не могли вытесниться в уже оформившиеся группы (евразийцев, младороссов и иных).

Мы видим в этой функции журнала его главный политический смысл. При отсутствии политического действия, главное призвание эмиграции — в независимой общественной мысли. Здесь ценен каждый отблеск индивидуальных мнений, поскольку он может пригодиться для построения России. «Новый Град» не может быть таким «парламентом мнений», как ни дорожит он духовной свободой. Для широкого круга лиц «Утверждения» создали такую трибуну.

К сожаленью, приходится признать, что наиболее интересные статьи в «Утверждениях» принадлежат гостям, людям мало или ничем не связанным с редакционной группой. В ном. 3 таковы дискуссионные статьи Устрялова, Дмитриевского и В. Иванова. Последняя однако, при своей талантливости, дышит такой откровенной старорежимно-чер-

исотенной злобой, что мы предпочли бы видѣть «Утвержденія» без этого красочнаго пятна.

Редакціонная группа связана с личным направлением Ю. А. Ширинскаго-Шихматова, которое называетъ себя націонал-максимализмом. Политически оно представляет *l'esi complices* пореволюціоннаго націонализма. Видѣть ли в нем один из вариантов русскаго фашизма? Должен сказать, что такая квалифікація была бы преждевременна. Национал-максималисты искусно обходят подводные камни послѣдних слов, не прельщаясь, очевидно, максимализмом политическим. Отгораживаясь от демократіи, они не предопредѣляют своего политическаго лица. И, думается, хорошо дѣлают.

У Ю. А. Ширинскаго-Шихматова есть одна дорогая идея — порядка религіознаго, которую он давно уже лансирует в эмиграціи. Это идея русскаго мессіанизма. Так как о ней я пишу в другом мѣстѣ, то здѣсь могу обойти ее молчаніем. Но есть и другая черта религіознаго лица «Утвержденій», на которую еще не обращали вниманія. Христіанское ядро редакціи является в окруженіи гностической ауры. Тут и антропософы и манихеи и почитатели индійской духовности. Для христіанина этот воздух удушлив, для національнаго политика — вреден. Что дѣлать с гностицизмом в суровой работѣ русскаго возрожденія? Самая направленность интересов к Востоку — в отличіе от евразійцев, не к ближнему, а к дальнему, — мнѣ представлялась бы здоровой, своевременной и нужной для Россіи, — не будь этой мутной религіозной струи.

«Завтра» — юный отпрыск «Утвержденій» — не столько их боевой ежемѣсячник, сколько орган молодежи из школы Ю. А. Ширинскаго-Шихматова. Как орган молодежи, «Завтра» подкупает свѣжестью, чистотой и благородством своего порыва. Трогательно читать христіанское сгедо Валентина Андреева. Статья Ильинской о новых германских теченіях приятно удивляет культурностью. Молодой Савинков пишет ярко и талантливо. Но его статья, как и близкая по темѣ статья А. Яримдзе, грѣшат основным пороком школы: безсознательным гегельянством. Онѣ проникнуты наивным убѣжденіем в правдѣ историческаго процесса и в необходимости этой правдѣ пассивно отдаться. «Исторія работает на нас» (Яримдзе). — «Мы готовы помочь Исторіи. Мы — стрѣлочники Исторіи» (с большой буквы — Савинков). Очевидно, юным авторам не приходит в голову, что есть не одна, а двѣ исторіи, что процесс есть борьба, и что в этой борьбѣ нужно выбрать свой стан. Плыть по теченію легко, но куда занесут его воды? Впрочем, от юных и вѣрующих в «жизнь» нельзя и требовать того, чего не хотят видѣть многие из годящихся им в отцы. Кстати самое неприятное в «Завтра» это вклады отцов, особенно вульгарная статья С. В. Дмитриевскаго.

В отличіе от пестрой и шумной толпы «Утвержденій» и их молодого семинарія, «Третья Россія» является в сущности органом од-

ного лица. За множеством авторов-псевдонимов чувствуется одна воля — одна мысль — «организатора» журнала П. Боранецкаго. Эта воля серьезна, эта мысль интересна в своей напряженной тяжести. Боранецкій идет своей дорогой, и в одиночество его сила. Второй ном. его журнала во многом выяснил его позиции и особенно его мирозерцаніе. Ном. I появился в слишком скромном, приглаженном и благопристойном костюмѣ, чтобы вызвать с нашей стороны потребность в острой критикѣ. Признаюсь, послѣ 2-го ном. «Третья Россія» не вызывает у нас впечатлѣнія идеологической близости. Журнал раскрывает себя, как ярко антибольшевистскій, пореволюціонный, но при том, — рѣдкая откровенность в наши дни — ярко антихристіанскій.

Не знаю, из тактических ли потребностей, но в своем отрицаніи большевизма журнал Боранецкаго дал формулы, которыя способны обезоружить и Цурикова. К сожалѣнію, свобода от христіанской этики развиваает руки откровенному политическому аморализму: «Политическая борьба... требует измышленія недостатков противника там, гдѣ их нѣтъ, и отрицанія его достоинств, там, гдѣ они имѣются». (стр. 31). Это в тактикѣ (довольно близко к ленинизму). В программѣ Боранецкій выдвигает крестьянство, как ведущій и творческій класс будущей Россіи. «Спасая себя, Россія спасет міръ. Именуя свою группу «народниками-мессіанистами», Боранецкій этим указывает и общее «утвержденческое» лоно, от котораго он отпочковался. Однако, его мессіанизм, оторванный от христіанства, теряет свой послѣдній смысл. Характерно для нашей эпохи, что чистая политика или социологія Боранецкаго не удовлетворяют. Ему необходимо религиозное обоснованіе общества и общаго дѣла. Покопчив с христіанством — рѣзко вызывающим, бугтарским жестом — он ищет новой религіи — челоуѣкобожества, становящагося в исторіи Бога. Ницше и Федоров соединяются у него с наслѣдіем римскаго (не греческаго) язычества. Въмѣсто среднеуѣковья, он прямо, как Муссолини, зовет к Риму. Так как он презирает челоуѣческую личность, то божественное начало челоуѣка воплощается для него в государствѣ. Боранецкій создает настоящую религію государства, напоминающую культ Рима и Августа. Государство у него это Общее, Цѣлое, «церковь служенія Общему», священный алтарь служенія «Новому Богу Единства». (стр. 8-9). В новой технической обстановкѣ воскресает старая дохристіанская утопія о государствѣ-Деміургѣ. В то же время несомнѣнно, что в этом безклассовом Левіаганѣ отразился как нельзя болѣе ярко, идеал большевистскаго государства и его демоническая религія. Рѣдко приходится читать что-нибудь болѣе страшное, чѣм этот призрак грядущей Россіи, вызванный жестокой мечтой Боранецкаго. Благодаримъ Бога за то, что он нашел в себѣ достаточно честности, чтобы не связывать его с христіанством, как дѣлают иные, болѣе гибкіе и электические, кумиропослужители новой эстетической религіи.

Г. Федотов.